

УДК 327

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22022140148>

**«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» В ЕВРОПЕ: МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ.
ЧАСТЬ 2**

Александр Иванович Шумилин

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

Ссылка для цитирования: Шумилин А.И. «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 140-148. DOI: 10.15211/vestnikieran22022140148

Аннотация. В данной статье автор рассматривает два важнейших, на его взгляд, аспекта деятельности исламистской структуры «Братья-мусульмане» (БМ) в Европе сегодня – выявившийся разлом в системе высших руководящих органов БМ (формирование двух соперничающих центров – в Стамбуле и Лондоне) и активизацию попыток участия группировок БМ в политической жизни стран Европы под «знаменем ислама». Автор обращает внимание на тот факт, что наблюдаемый «ренессанс братьев» в Европе не только явно контрастирует с положением их сподвижников в большинстве арабских стран, в социальной и политической жизни которых те терпят провал за провалом, но и может рассматриваться как попытка руководства БМ именно через свой европейский опыт сохранить само движение, поддержать динамику его активности, сформулировать его цели. Иными словами – продемонстрировать способность движения и его идеологии к трансформации и адаптации к условиям XXI столетия. Для этого исламистское «братство» активно эксплуатирует потенциал социального государства и политических свобод в Старом Свете. Автор исследует механизмы, используемые исламистами БМ для проникновения в государственные структуры и влиятельные слои европейских обществ. Примечательно, что всё чаще деятельность БМ упоминается европейскими экспертами и политиками в контексте нарастающих внутренних угроз для их стран.

Ключевые слова: Братья-мусульмане, экстремизм, исламизм, терроризм, Махмуд Эззат, Рашид Ганнуши, Реджеп Таиб Эрдоган, благотворительность, геополитика, Турция, Катар.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2022.

**THE MUSLIM BROTHERHOOD IN EUROPE: BETWEEN RELIGION AND POLITICS.
PART 2**

Alexander I. Shumilin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: mideast@bk.ru,
ORCID: 0000-0003-1778-4828

For citing: Shumilin, A.I. (2022). The Muslim brotherhood in Europe: between religion and politics. Part 2. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 26(2): 140-148. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22022140148

Abstract. *In this article, the author considers two most important, in his opinion, aspects of the activities of the Islamist movement «Muslim Brotherhood» (MB) in Europe today – a rupture that has emerged in the system of the highest governing bodies of the MB (the formation of two rival centers – in Istanbul and London) and the intensification of attempts of MB groups participation in the political life of European countries under the «banner of Islam». The author draws attention to the fact that the observed «renaissance of the brothers» in Europe not only clearly contrasts with the position of their associates in most Arab countries, in whose social and political life they are failing after failure, but can also be considered as an attempt to lead the MB precisely through his European experience to preserve the movement itself, to support the dynamics of its activity, to formulate its upcoming goals. In other words, to demonstrate the ability of the movement and its ideology to transform and adapt to the conditions of the 21st century. To do this, the Islamist «brotherhood» is actively exploiting the potential of the welfare state and political freedoms in the Old World. The author explores the mechanisms used by the Islamists of the BM to penetrate into state structures and influential layers of European societies. It is noteworthy that the activities of the MB are increasingly mentioned by European experts and politicians in the context of growing internal threats to their countries.*

Key words: *Muslim Brotherhood, extremism, Islamism, terrorism, Mahmoud Ezzat, Rashid Ghanouchi, Recep Tayyip Erdogan, charity, geopolitics, Turkey, Qatar.*

Article received: 30.04.2022.

На протяжении нескольких последних лет позиции и влияние сторонников ассоциации «Братья-мусульмане» (БМ) в арабских странах заметно ослабевали под нараставшим натиском их оппонентов – политиков, аффилированных со светскими и националистическими силами. Но два ключевых события там знаменовали очевидный закат БМ и «политического ислама» в целом. Это арест 28 августа 2020 г. руководителя действовавшего в подполье египетского «братства» Махмуда Эззата (находится в заключении по сей день) (Implications from the Arrest... 2022) и отстранение 25 сентября 2021 г. Рашида Ганнуши, «исторического лидера» «Ан-Нахды» в Тунисе, от руководящей позиции в этой исламистской партии (его попытка вновь переизбраться провалилась) (Brésillon 2021). Как справедливо отмечает арабский эксперт Хусейн Ибиш, постепенный уход БМ с политической сцены в арабских странах во многом объясняется тем, что сегодня эта организация оказалась в ситуации, когда «её отвергают практически все». А именно, поясняет Ибиш, в таких странах, как Ливия и Сирия, где всеобщий протест против диктатур обернулся гражданской войной, «братство» рассматривается его сторонниками как недостаточно радикальное образование, чтобы на полях сражений (т.е. применяя жёсткую силу) соперничать с исламистами джихадистской направленности (ИГ и «Аль-Каида»). В странах же, где революции протекали и завершились мирно, люди, наоборот, воспринимают БМ как организацию, слишком близкую к джихадистам, «разделяющую многие общие цели с ними» (Review: The Muslim... 2021).

«Братья-соперники»: два центра силы

Нарастающее политическое давление в арабских странах подталкивает многих активистов «братства» перемещаться в страны Европы и Турцию, где на протяжении последних десятилетий для них складывались вполне благоприятные условия. Причины казавшейся до последнего времени устойчивой толерантности европейских элит к группировкам БМ достаточно подробно описаны в первой части данной статьи. Ситуация же в этом плане в Турции не требует углублённых объяснений – с начала 2000-х гг. политические позиции местных сторонников «братства» там неуклонно укреплялись. Достаточно отметить, что главной политической фигурой, символизирующей данный процесс, неизменно остаётся Реджеп Тайип Эрдоган, президент Турецкой республики и лидер Партии справедливости и развития, считающейся структурой, по многим параметрам идеологически близкой к БМ. Некоторые эксперты называют эту партию «турецкой версией “Братьев-мусульман”».

Роль информационного центра в Лондоне, организованного в начале 1990-х гг. активистами БМ (в основном выходцами из Египта), постоянно возрастала вплоть до сегодняшнего дня. Одновременно создавались и расширяли свою деятельность в общественном пространстве различного рода организации и группировки под контролем руководящего ядра «братства». Исламисты, как уже отмечалось, успешно использовали демократические нормы, определяющие политическую и общественную жизнь в Великобритании (в частности, свободу слова, собраний и организаций). Опираясь на мощный медийный ресурс (сформировавшийся в основном на двух языках – английском и арабском), лидеры британской ветви БМ смогли распространить своё влияние не только на соратников в Европе, но и значительной части Ближнего Востока, Турцию, мусульман Индии и Пакистана. Заметим также, что в отличие от группировок «братства» в других странах Старого Света британское сообщество БМ формировалось как мультиэтничное. В результате сменявшие друг друга его руководители начали признаваться последователями в других странах в качестве не формальных, но реальных (*ad hoc*) авторитетов всего движения. Во многом это связано с имманентно присущей исламу в целом характеристикой – отсутствием институализированной иерархии, которая сложилась на протяжении столетий и действует сегодня в католичестве (папа римский), православии (патриарх) или буддизме.

Ситуационно центры притяжения и нахождения признанного авторитета в движении «Братьев-мусульман» заметно менялись на протяжении последних двух десятилетий. С «историческим прорывом» к вершинам власти в рамках отдельно взятого государства – Египта, где в 2012 г. президентом был избран по факту¹ представитель «братства» Мухаммед Мурси – руководство египетского ядра движения обрело широкое признание среди единомышленников во всём мире. После же свержения Мурси военными в июле 2013 г. и разгрома ячеек БМ и вышеупомянутого ареста М. Эззата, признанного в качестве «Верховного руководителя» (Supreme Guide), многие активисты «братства» поспешили вернуться в Европу, а также частично перебрались в Турцию, где для них создавались благоприятные условия, а точнее – они в действительности попадали под прямую опеку окружения президента Р. Т. Эрдогана. В результате заметно реанимировался лондонский центр БМ, одновременно сформировался во многом альтернативный ему другой – в Стамбуле. Последний, по имеющимся оценкам, демонстрировал бóльшую активность, чем центр в Лондоне, позиционируя себя (с подачи Эрдогана) в качестве преемника «подлинного братства», т.е. египетской ветви (Turkey's relationship...2013).

¹ Формально М. Мурси был выдвинут от Партии свободы и справедливости, формально не связанной с движением «Братья-мусульмане» в Египте.

Между двумя центрами «братства» началось соперничество: статус находящегося в Лондоне Ибрагима Мунира, провозглашённого после ареста М. Эззата «Верховным руководителем», был опротестован большинством членов «Генерального Совета Шуры» (высшего консультативного органа движения), контролируемого исламистами в Стамбуле. Последние обвинили Мунира в злоупотреблении финансовыми средствами и потребовали утвердить вместо него кандидатуру Мустафы Толба как переходную фигуру на срок в шесть месяцев. Руководство лондонской ветви отвергло данное требование. Возникло двоевластие (The Muslim Brotherhood Turns... 2022).

Нынешний раскол между руководством «братства» в Лондоне и Стамбуле – не первый за десятилетие, последовавшее за «арабской весной». Ему предшествовало аналогичное событие в 2016 г., когда руководящие структуры движения разошлись не из-за стремления сторон контролировать финансовые потоки и информационные платформы, как это выглядит сегодня, а по более острой и, судя по всему, неразрешимой проблеме – развернулись дискуссии по вопросу о допустимости повышения уровня насильственных действий для достижения целей движения (Disputes in Muslim Brotherhood... 2020). Понятно, что эти дискуссии были спровоцированы нарастанием уже упомянутой тенденции падения авторитета «умеренных исламистов» БМ в сравнении с более радикальными группировками, включая джихадистов (ИГ, «Аль-Каида»). Заметим, что к повышению уровня насилия подталкивало «братьев» не только их участие в боевых действиях в Сирии и Ливии, где тон задавали радикальные группировки, но и террористические акты джихадистов в странах Европы. Последние встречали возрастающее «понимание» среди части мусульманских общин там.

И всё же многие авторитетные аналитики полагают, что именно исход борьбы вокруг контроля над финансовыми потоками и информационными ресурсами определит перспективы БМ в целом. «С одной стороны, эти ресурсы необходимы для продвижения политических проектов движения. А с другой, без них невозможно решение задачи по проникновению самыми разными способами в (европейские – А.Ш.) общества и тем самым достижение цели постепенной исламизации регионов, на которые “братья” хотят распространить своё влияние», – подчёркивается в аналитической статье лондонского Центра исследований Ближнего Востока и Северной Африки (Disputes in Muslim Brotherhood... 2020).

БМ в Европе: между политикой и насилием

Система самоорганизации разноплановых групп и структур, аффилированных с ядром «Братьев-мусульман» в странах Европы, подробно описана в первой части данной статьи. По сути, она не сильно отличается от организационных структур и *modus operandi* БМ в тех арабских странах, где «братство» пытается действовать в условиях подполья. Дело в том, что определяющей в организационном плане была и остаётся традиционная (со времён основателя Хасана аль-Банни) установка на секретность, избегание увязки различных групп с ядром БМ. Уместно также добавить две следующие характеристики механизма реализации стратегии «братства», отмеченные в докладе расположенного в ОАЭ аналитического центра *TRENDS Research & Advisory*. Это так называемая «политика распыления» (минимизация горизонтальных и вертикальных связей лиц, вовлечённых в деятельность «братства», создание видимости их непричастности к структурам БМ), что, говорится в докладе, является «ключевым инструментом исламистов для проникновения в европейские общества». А также установка на уничтожение всех свидетельств возможной причастности БМ к террористическим актам в странах Европы. Европейцы, подчёркивается в докладе, должны неизменно воспринимать «Братьев-мусульман» как движение, олицетворяющее «умеренную версию политического

ислама» и противостоящее экстремистским группам и течениям (Mohamed... 2021).

Сторонники и активисты БМ стремятся не афишировать своё участие в политической жизни страны пребывания, предпочитая действовать «под чужим флагом». Максимально приемлемым для них считается причастность к легальным организациям, преследующим цель «добиться равноправия мусульман в общественной жизни» или «противодействовать исламофобии». Так, мощный резонанс и возмущение значительной части французов вызвало письмо, направленное в начале марта 2021 г. в адрес председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен так называемой «Международной коалицией против исламофобии». В нём подписанты (в основном граждане Франции) выражали протест против, на их взгляд, «чрезмерно острой реакции государства» на убийство исламистским террористом (обезглавливание) учителя Самуэля Пати в октябре 2020 г., обвинив французские власти в исламофобии. Вскоре спецслужбы установили, что большинство подписантов были активистами или контактантами группировок «Братья-мусульмане» (Islamist Lawfare... 2021). В письме они также назвали «исламофобскими» практически все законы страны, затрагивавшие религиозную тематику, а точнее – утверждавшие приоритет республиканских (светских) ценностей. Власти справедливо расценили упомянутое письмо как попытку «братьев» подорвать существующий в стране консенсус по крайне чувствительным вопросам сочетания религиозных и светских ценностей во французском обществе.

В последние же годы активисты «Братьев-мусульман» в странах Европы всё чаще взаимодействуют с партиями, правозащитными и общественными организациями левого и нередко левацкого толка, чтобы выдвинуться от них кандидатами и получить мандат по результатам выборов в органы власти различных уровней.

Последствия исламистско-левацкого альянса заметно беспокоят экспертов и политиков стран Европы. «Необходимо провести дебаты с целью максимально прояснить природу отношений между исламистами и левыми критиками существующего во Франции порядка, – пишет в своём докладе «Исламизм и левые силы» Джон Дженкинс, известный британский дипломат и эксперт по вопросам экстремистских идеологий в арабских странах. – В существовании такого альянса вряд ли стоит сомневаться. Он значительно окреп за последние два десятилетия, подпитываемый смешением дискурсов, которые по любому нормальному стандарту должны быть объективно несовместимыми: с левыми это произошло, скорее всего, по недомыслию; со стороны же исламистов это был тайный умысел. Совсем недавно мы видели, как упомянутый альянс снова стал очевидным для наблюдателей во время протестов в Лондоне из-за конфликта между Израилем и Хамасом, когда исламисты и некоторые крайне левые в британской политике использовали общий антисемитский дискурс» (Jenkins 2021).

По мнению экспертов и правительственных чиновников ряда стран ЕС, в наиболее явном виде взаимодействие исламистов с левыми (в оборот даже введён термин *Islamo-Leftism* или по-французски *Islam-Gauchisme*) обнаруживается в академических кругах. Заметим, что в большинстве ведущих стран Запада в этой среде заметно доминируют как минимум леволиберальные, если не левацкие взгляды и позиции.

Ярким проявлением озабоченности, в частности, французского правительства данным феноменом стал ряд заявлений в феврале 2021 г. со стороны Фредерик Видаль, министра по делам высшего образования, исследований и инноваций. В частности, она призвала провести расследование с целью прояснить феномен *Islam-Gauchisme* во французских университетах и очертить границу «между академическими исследованиями и активностью (студентов и преподавателей – А.Ш.) в выражении своих мнений и позиций» (Darmanin 2022).

Ректоры ведущих университетов страны восприняли заявление министра с возмущени-

ем, характеризуя его не иначе как попытку правительства повлиять на процесс и результаты научных исследований. Правительство же в ответ указало на то, что во многих вузах страны в последние годы были сформированы факультеты и департаменты формально с целью обеспечения углублённого изучения комплекса проблем стран Арабского Востока и Турции. Все они, как правило, финансируются правительствами ряда арабских стран, но главным образом Катаром, Турцией и Саудовской Аравией. И если Доха и Анкара давно воспринимаются в странах ЕС как спонсоры структур, связанных с «Братьями-мусульманами», то Эр-Рияд утверждает, что проводит свою образовательную и просветительскую деятельность в университетах Европы с целью нейтрализовать влияние своих региональных соперников – Катара и Турции – в академической среде Старого Света. (Шумилин... 2021b). Так, финансируемый саудитами аналитический центр «Эль-Месбар» (*Al-Mesbar Studies & Research Center*) продвигает точку зрения, которая, заметим, весьма положительно воспринимается правыми и центристскими силами во Франции.

В частности, в изданной в марте 2019 г. экспертами «Эль-Месбара» монографии подчёркивается, что «существование во Франции организационных структур исламистских движений создаёт прямую угрозу национальной безопасности страны. Сторонники политического ислама прибегают к такому риторическому стилю, который выглядит прагматичным, но на самом деле является радикальным и подрывным. На протяжении десятилетий они стремились создать себе твёрдую базу поддержки, игнорируя уникальный характер других (в данном случае – европейских – А.Ш.) обществ, как и их естественную траекторию развития» (*Islam in France... 2021*).

Сегодня именно европейский континент становится полем противостояния между двумя лагерями ближневосточных соперников суннитского толка: *первый* во главе с Саудовской Аравией (арабские монархии кроме Кувейта и Катара, а также Египет, Иордания, Ирак и страны Северной Африки); *второй* – это Турция и Катар. Линией раздела между ними уже давно стала организация «Братья-мусульмане», а точнее – отношение сторон к этому образованию (Шумилин... 2021a). Их противостояние на европейском пространстве означает ни больше ни меньше как борьбу за Европу – прежде всего в геополитическом аспекте. Акторы обоих лагерей стремятся укрепить свои позиции в Европе – одни (Турция и Катар) через поддержку структур БМ там (McElroy... 2020), а их оппоненты наоборот – через разоблачение широкого спектра угроз деятельности «братства» для настоящего и будущего европейцев.

Заметим, что группировки и структуры БМ являют собой наиболее сплочённое организационно и идейно сообщество в среде мусульманского населения практически всех стран Старого Света. Этот факт во многом побудил часть европейских политиков, не общаясь напрямую с представителями «братства», постоянно ориентироваться на их позицию – частично принимая или отвергая их требования. Фактор «братства» во внутренней политике стран Европы оказывает влияние и на формирование их внешнеполитических установок. Это особенно заметно на примере выстраивания европейским истеблишментом отношений с Турцией: чем больше напрягаются отношения между той или иной страной Евросоюза с Турцией, тем больше рисков для её правительства увидеть всплеск проблем на внутренней арене (в сферах социальной, политической).

Компетентные эксперты сегодня утверждают, что деятельность «братьев» основательно вплетена «малоразличимыми нитями» в большинство жизненно важных сфер европейских обществ. Дэмон Л. Перри, автор доклада под названием «Исламское движение в Великобритании», опубликованного в конце 2020 г. Международным центром по изучению проблем радикализации и насилия, делает следующий вывод: «Доха инвестирует огромные суммы по ка-

налам благотворительности в проекты, ассоциированные со структурами “Братьев-мусульман”. Анализ этих усилий показывает не только глубину проникновения Катара в мусульманские общины Британии и других стран Европы, но также вскрывает глубину взаимного переплетения и взаимодействия британских, европейских и катарских организаций. То же самое наблюдается и в отношении Турции» (Perry... 2020).

Авторитетные европейские исследователи проблем исламского радикализма Л. Ведино и С. Алтуно следующим образом определяют угрозы, исходящие от идеологии и практики БМ для Европы: «Первое: сети БМ постоянно вовлекаются в различные сферы (европейских обществ – А.Ш.) – как финансовые, так и политические... Второе: есть немало примеров помощи и поддержки, которую оказывают “братья” в Европе своим соратникам в Палестине (Хамас), Сирии и Ливии, которые практикуют насилие. Третье: активисты БМ навязывают мусульманам в Европе нарратив, согласно которому те якобы становятся жертвами несправедливой политики властей. Тем самым они работают на разрушение ткани общественной солидарности. Исламисты разделяют общество на «своих» и «чужих» (Vidino, Altuna 2021).

Всё чаще, однако, в экспертных и политических кругах стран ЕС звучат оценки структур БМ как представляющих угрозу для безопасности европейцев. В первой части мы уже упоминали ряд докладов с такими оценками, подготовленных авторитетными специалистами во Франции и Австрии (Vidino, Altuna 2021).

В марте же 2022 г. появился доклад специального парламентского комитета Р Бельгии, основанный на данных специальных служб этой страны. В нём, в частности, подчёркивается, что «Организации и группы “Братьев-мусульман” остаются приоритетной угрозой в плане поощрения экстремизма, поскольку их краткосрочная стратегия может создать климат, стимулирующий поляризацию и сегрегацию в бельгийском обществе, что является воплощением радикализации» (Lamfalussy 2022). Комитет Р выразил озабоченность фактами проникновения активистов БМ в государственные структуры, настаивая на более тщательной системе проверки и отбора кадров с тем, чтобы не позволить «братьям» занимать влиятельные позиции на всех уровнях – федеральном, региональном или местном.

* * *

Усилившиеся репрессии властей в большинстве арабских стран в отношении группировок «Братьев-мусульман» там вынудили их сторонников перемещаться прежде всего в страны Европы, а также в Турцию. Если в Турции для них создаются благоприятные условия, поскольку правящие круги этой страны продолжают делать ставку на исламизм данного типа, то политический класс в Европе всё активнее расстаётся с прежней толерантностью к «братьям», начиная сознавать угрозы, которые те представляют для европейских обществ. Об этом свидетельствует серия докладов авторитетных экспертно-аналитических центров, а также государственных органов в ЕС. Степень сопротивляемости европейцев перед лицом нарастания полуподпольной деятельности БМ заметно повышается. Всё чаще группировки исламистов определяются как экстремистские и угрожающие безопасности стран Старого Света. Противодействие им нарастает со стороны право-центристов, в то время как организации левого и левацкого толков склонны сотрудничать с экстремистами, представляющимися в последнее время в роли «борцов за равноправие мусульман». Между тем справедлива, на наш взгляд, оценка, согласно которой группировки БМ стали не только фактором внутренней политики в странах Европы, но и начинают оказывать воздействие на процесс формирования там внешней политики. Это особенно заметно в том, что касается отношений ЕС с такими странами, как Турция и Катар, активно поддерживающими БМ в регионе и на европейском пространстве.

Список литературы / References

Brésillon, T. (2021). Ennahda or the cost of recognition. Arab Reform Initiative. 26.11.2021. Available at: <https://www.arab-reform.net/publication/ennahda-or-the-cost-of-recognition/> (accessed 25.04.2022).

Darmanin, J. (2022). French minister wants inquiry into so-called Islamo-leftist bias in academia. Politico. 17.02.2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/french-minister-wants-inquiry-into-so-called-islamo-leftist-bias-in-academia/> (accessed 22.04.2022).

Disputes in Muslim Brotherhood Organization. MENA Research and Studies Center. 20.03.2022. Available at: <https://eeradicalization.com/review-the-muslim-brotherhoods-pan-european-structure/> (accessed 20.04.2022).

Implications from the Arrest of an Islamist Extremist Leader in Egypt. European Eye on Radicalization. 30.08.2020. Available at: <https://eeradicalization.com/implications-from-the-arrest-of-an-islamist-extremist-leader-in-egypt/> (accessed 27.04.2022).

Islam in France: The Brotherhood, Terrorism, and Treatment. 05.03.2019. Available at: <https://mesbar.org/islam-in-france-the-brotherhood-terrorism-and-treatment/> (accessed 22.04.2022).

Islamist Lawfare against the European Union. European Eye on Radicalization. 12.04.2021. Available at: <https://eeradicalization.com/islamist-lawfare-against-the-european-union/> (accessed 20.04.2022).

Jenkins, S. (2021). Islamism and the Left. An essay in two parts. Policy Exchange. London.

Lamfalussy, Ch. (2022). Les Frères musulmans, une menace à ne pas négliger selon le renseignement belge. La Libre Belgique. 22.03.2022. Available at: <https://www.lalibre.be/belgique/societe/2022/03/22/les-freres-musulmans-une-menace-a-ne-pas-negliger-selon-le-renseignement-belge-SBTMW6JXAJDTHAYMDNIAZYJKDI/> (accessed 23.04.2022).

McElroy, D. (2020). Qatari and Turkish support for Muslim Brotherhood networks exposed in 100-page report. The National. 30.09.2020. Available at: <https://www.thenationalnews.com/world/qatari-and-turkish-support-for-muslim-brotherhood-networks-exposed-in-100-page-report-1.1086230> (accessed 25.04.2022).

Mohamed, J. (2021). Islamist political groups in Europe: Tools, tactics, and mechanisms. Trends Research & Advisory. 04.04.2021. Available at: <https://trendsresearch.org/insight/islamist-political-groups-in-europe-tools-tactics-and-mechanisms/> (accessed 21.04.2022).

Perry, D.L. (2020). The Islamic Movement in Britain. International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence. London: King's College. Available at: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2020/09/ICSR-Report-The-Islamic-Movement-in-Britain.pdf> (accessed 24.04.2022).

Review: «The Muslim Brotherhood's Pan-European Structure». European Eye on Radicalization. 12.11.2021. Available at: <https://eeradicalization.com/review-the-muslim-brotherhoods-pan-european-structure/> (accessed 26.04.2022).

The Muslim Brotherhood Turns to Europe Amid Its Leadership Crisis. European Eye on Radicalization. 05.04.2022. Available at: <https://eeradicalization.com/the-muslim-brotherhood-turns-to-europe-amid-its-leadership-crisis/> (accessed 28.04.2022).

Turkey's relationship with the Muslim Brotherhood. Al Arabiya News. 14.10.2013. Available at: <https://eeradicalization.com/review-the-muslim-brotherhoods-pan-european-structure/> (accessed 26.04.2022).

Vidino, L., Altuna, S. (2021). The Muslim Brotherhood's Pan-European Structure. Austrian Fund for the Documentation of Religiously Motivated Extremism. 10.2021. Available at: https://www.dokumentationsstelle.at/wp-content/uploads/2021/10/Report_EU_Strukturen_final.pdf (accessed 25.04.2022).

Шумилин, А.И. (2021a). «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН (6): 147-154. [Shumilin, A.I. (2021a). Muslim brotherhood in Europe: between religion and politics. Part 1. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 24(6): 147-154. (in Russian).] DOI: 10.15211/vestnikieran62021147154

Шумилин, А.И. (2021b). Франция: Республика против «политического ислама» (ч. II) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН (2): 117-124. [Shumilin, A. (2021b). France: Republic against «Political Islam» (Part II). Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN (2): 117-124. (in Russian).] DOI: 10.15211/vestnikieran22021117124

Шумилин, А.И. (2021с). Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой // Мировая экономика и международные отношения 1(65): 50-60. [Shumilin, A. (2021c). Middle East Conflicts Today: Between Religion and Geopolitics. World Economy and International Relations 1(65): 50-60. (in Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60